

приобрести сам. При этом рынок устраивался там, где этому династу было угодно (р. 33. 29—34. 25).

В другом месте Кекавмен сообщает, что некоторые яства для роскошной трапезы могли стоить больших денег (р. 49. 5—7). К числу приобретаемых по такому случаю яств принадлежали, например, зайцы, куропатки, рыба (р. 48. 7—8). Как об обычном и распространенном явлении говорит Кекавмен и о покупке состоятельным человеком драгоценностей (р. 61. 16—19). Говорит он и о торговле на рынке лекарственными травами (р. 53. 11). По словам Кекавмена, можно нести «военную службу» или «частную», быть писцом или заботиться о войске, «или выходить в поле, либо покупать то или другое» (р. 19. 29—20. 1).

Особенно интересно другое сообщение Кекавмена о торговле — как внутренней, так и внешней. «Если в подвластной тебе стране есть морское побережье и суда добровольно ли — ради торговли (*διὰ πραγμάτων*) — или недобровольно — по воле волн — приходят [к тебе], давай им уют и отдых. Если будешь так поступать, прославят тебя и соседи, и чужеземцы, окажутся все твоими истинными друзьями, страна же твоя будет избавлена от козней, и у тебя не будет забот. Если же ты станешь взysкивать поборы (*εἰ δὲ γενήσῃ ἐπηρεαστής*) ради постыдной прибыли, будут против тебя злоумышлять и на земле, и на море, и будут сопутствовать беды и тебе, и стране твоей» (р. 79. 3—10).

Конечно, следует учитывать, что житейская мудрость Кекавмена граничит с подозрительностью, тем не менее едва ли можно поставить под сомнение некоторые интересные факты, которые он сообщает в приведенном выше параграфе. Наиболее оживленные торговые связи осуществлялись в XI в. по морю, причем эта торговля имела, по всей вероятности, существенное значение для населения, ибо в случае благоприятного отношения правителя области к купцам, его имя приобретало популярность как в соседних с его областью землях, так и далеко за границей. Корыстное же отношение к купцам, взимание с них торговых пошлин³⁹ было способно возбудить против него негодование и кушцов, и жителей, и дело могло окончиться гибелью или изгнанием корыстолюбивого правителя.

И в XI в. тип полупирата-полукупца был весьма распространенным; оказывая гостеприимство торговцам, правитель или господин области должен был проявлять крайнюю осторожность. Впрочем, торговля, по мнению Кекавмена, — не дело доблестных разумных мужей, а занятие, приравняемое им к труду пастуха и земледельца. «Если у тебя, — говорит он, — кто-нибудь попросит в долг и если он хочет это⁴⁰ для выкупа пленных или по какой-либо другой настоятельной необходимости и благовидной причине, то дай ему, что можешь..., но чтобы не ради процентов или постыдной прибыли, или сатанинской любви. Если же ему нужно это для того, чтобы взять на себя налоговую службу или купить рабов, либо имение, или другое что-либо, или ради торговли, не давай ему». (р. 47. 28—48. 2). Кекавмен предупреждает, на какие ухищрения может пойти домогающийся получить в долг: «Затем он покажет тебе, — пишет наш автор, — достаточно золота, которое он занял у другого, и скажет тебе, что он предназначил все это для означенного товара, но не желают такого чека, а хотят того, какой, он думает, у тебя есть. „И я знаю, — скажет, — что у тебя есть, и если ты меня любишь, дай мне, дабы я не потерял

³⁹ Ср. сообщение Никиты Хониата о том, что византийские вельможи — обладатели прибрежных районов — обычно подвергали разграблению торговые суда, потерпевшие бедствие близ берегов, принадлежавших этим феодалам (*Nicetas Choniata. Historia. Bonnæ, 1835, p. 427*).

⁴⁰ Мы принимаем конъектуру П. Лемерля (р. 103) — *αὐτό (δάνεισμα) вм. αὐτό* (р. 47. 29).